

Исторический вестник. 2023. Т. XLIV
DOI: 10.35549/HR.2023.2023.44.009

А.Ю. Конев

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЕ И МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ГРАНИ СИБИРСКОГО «ФРОНТИРА»¹

а прошедшие тридцать лет в изучении истории русско-го освоения Сибири одна из самых оживленных теоретических дискуссий была связана с применением концепта «фронтир». Мнения коллег порою оказывались полярными, а позиции непримиримыми. Тем не менее,

фронтирные исследования стали достаточно популярным направлением в современной исторической науке, появляются все новые и новые работы, выполненные в рамках этой методологической парадигмы или дискутирующие с ней. Поэтому не смотря на то, что уже вышло немало статей, посвященных анализу соответствующей литературы, оценка результатов «фронтирной» экспансии в исследовательское поле сибиреведов и перспектив применения соответствующего теоретико-методологического подхода для изучения процесса расширения России на Восток не теряет своей актуальности.

¹ Исследование выполнено за счет средств проекта «Фронтиры. Границы России» (АНО «Руниверс») и Госзадания № 121041600045-8, проект «Западная Сибирь в контексте Евразийских связей: человек, природа, социум» (ИПОС ТюмНЦ СО РАН).

Побудительным мотивом, открывшим в начале 1990-х гг. двери фронтирному дискурсу в отечественной историографии, явилось желание преодолеть изоляцию отечественной науки и соответствовать тенденциям «интернационализации научного знания»². Другим фактором было стремление дополнить (заменить) формационную парадигму цивилизационной и эволюционной. Интересно, что произошло это тогда, когда критика концепции Ф.Дж. Тёрнера³ стала повсеместным явлением в англоязычной историографии⁴ и сложилось направление «новых историков Запада», отрицавших значение его работ и обративших внимание на то, что он не учитывал региональную специфику, а предложенное им понятие «несло в себе много англо-американских этноцентрических предрассудков»⁵.

«Фронтир» Ф.Дж. Тёрнера вместе с тем привлекал заложенным в нем динамизмом, интеграционным и компаративистским потенциалом. Сравнивая историю колонизации американского континента европейцами и зауральских территорий русскими, российские исследователи искали альтернативу классической колониальной рамке, с позиции которой эти процессы рассматривались историками и публицистами XIX — первой половины XX вв.⁶, а так же стремились преодолеть

² Хромых А.С. Русская колонизация Сибири последней трети XVI — первой четверти XVII в. в свете теории фронта: автореф. канд. ист. наук. Томск, 2008. С. 3.

³ Turner F.J. The frontier in American history. New York: Henry Holt and company, 1920; Turner F.J. The Significance of Sections in American History. Introd. by Max Farrand. New York: Henry Holt and company, 1932.

⁴ Slotkin R. The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890. New York: Atheneum, 1985; Slotkin R. Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. New York: Atheneum, 1992; Limerick P.N. The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York/London: W.W. Norton, 1987. White R. «It's Your Misfortune and None of My Own». A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991.

⁵ Косторниченко В.Н., Сирватко П.А. Фронтир: генезис, основные положения, развитие (историографический очерк) // США & Канада: экономика, политика, культура, 2021. 51(2). С. 72–89.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского. Т. IX. СПб.: Тип. Н. Греча, 1821. С. 370–411; Небольсин П.И. Покорение Сибири. СПб.; Тип. И. Глазунова и К°, 1849. С. 101–115; Завалишин Д.И. Сибирь и Канада // Восточное обозрение: газета литературная и политическая. 1882. № 34. С. 3–4; Ядринцев Н.М. Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. Изд. 2-ое. СПб.: Изд-во И.М. Сибирякова, 1892; Драбкина Е.А. Национальный и колониальный вопрос в царской России. М.: Изд-во Коммунистической академии, 1930; Окунь С.Б. Очерки по истории колониальной политики царизма в Камчатском крае. Л.: Союзгиз. Ленингр. отд., 1935; Токарев С.А. Очерк истории якутского народа. М.: Союзгиз, 1940.

историографическо-идеологическую контроверзу о «завоевании Сибири»/«мирном(добровольном) вхождении» ее народов в состав России⁷.

Результатом исследований новосибирских историков Д.Я. Резуна и М.В. Шиловского⁸ была формулировка ими концепции «сибирского фронта» и соответствующего понятия. При этом Д.Я. Резун понимает фронт как «место или момент встречи двух культур разного уровня развития», что явно перекликается с тезисом о столкновении «дикости» и «цивилизации». М.В. Шиловский выделяет три вида фронта в Сибири: «внешний, по отношению к территориям и этносам, не вошедшим в “огораживающее поле” колонизации, внутренний, — по отношению к народам, оказавшимся внутри него, и внутрицивилизационный, — между старожилами и переселенцами»⁹. Следует отметить, что второй вид характеризуется включением туземцев в социальную структуру империи (а не устранением, как на «диком Западе»), а третий — появлением специфической местной и метисной культуры, особой ментальности сибиряков. А.С. Хромых, соединил этот подход с идеей «неустойчивого равновесия», определяемого им как переход от внешнего к внутреннему фронту. Он пишет не о видах, а о стадиях развития последнего и полагает, что «можно говорить о русском типе фронта», отличающегося от американского с его «безоглядной вестернизацией»¹⁰. При всех особенностях этого подхода можно констатировать, что он явился своеобразным продолжением тернеровской теории. Их сближает наличие одного основного актора — колонизаторов/колонистов и фактическая несубъектность автохтонного населения, а так же акцент на территориальном взаимодействии, связанном с процессом присвоения и освоения новых земель.

⁷ Подробнее об этом: Акимов Ю.Г. Освоение Сибири как аналог колонизации Нового Света в историографическом дискурсе // Электронный научно-образовательный журнал «История». 2014. Т. 5. Выпуск 4(27) [Электронный ресурс]. Доступ для зарегистрированных пользователей. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000731-3-1>; «Славянский мир» Сибири: новые подходы в изучении процессов освоения Северной Азии / Под ред. О.Н. Бахтиной, В.Н. Сырова, Е.Е. Дутчак. Томск: Изд-во Том. ун-та, 2009. С. 106–165.

⁸ Резун Д.Я., Шиловский М.В. Сибирь, конец XVI — начало XX вв.: фронт в контексте этносоциальных и этнокультурных процессов. Новосибирск: Ин-т истории СО РАН, 2005 [Электронный ресурс]. URL: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html>; Шиловский М.В. Фронт и переселения (сибирский опыт) // Фронт в истории Сибири и Северной Америки в XVII–XX вв.: общее и особенное. Новосибирск, 2003. Вып. 3. С. 101–118.

⁹ Шиловский М. В. Фронт и переселения... С. 101.

¹⁰ Хромых А.С. Русская колонизация Сибири... С. 3, 13, 21.

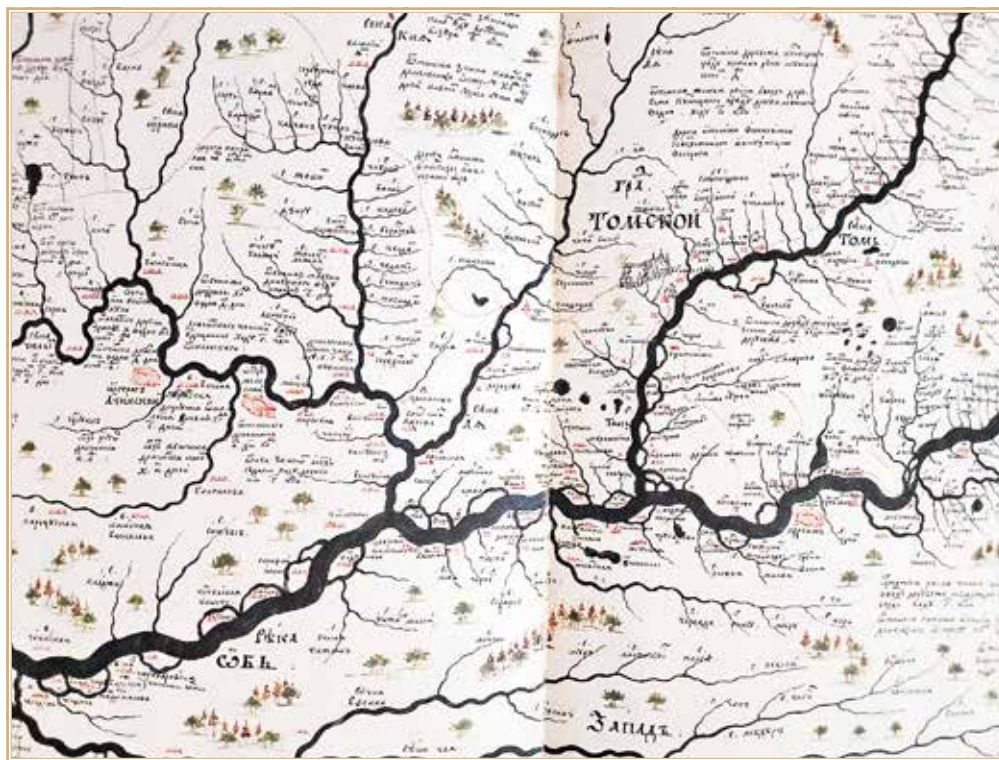

Рис. 1. Чертеж земли Томского города из Служебной чертежной книги С.У. Ремезова с изображением крепостей и острогов. Конец XVII в.

И.В. Побережников оценивает концепцию фронта как «удобный познавательный инструмент для изучения стран, в истории которых существенную роль сыграла колонизация», где были свои «запад» и «восток». Он выделил три важнейших в истории России «фронтира освоения»: северный, восточный и южный, при этом Сибирь рассматривается им как территория «фронтирной модернизации» в условиях незавершенного освоения¹¹.

В.О. Бобровников и А.Ю. Конев попытались соотнести военно-политические и социальные границы русского освоения Северной Азии XVII–XIX вв., проследить их взаимовлияние и трансформацию. Основные выводы, к которым они пришли, следующие.

Территории, на которых обитало туземное население, сохраняли особый статус со специфическим административно-территориальным устройством и режимом эксплуатации. Если до половины XVII в. сибирские земли рассматривались в основном как иные (чужие), погранич-

¹¹ Побережников И.В. Азиатская Россия: фронт, модернизация // Известия УрГУ. Сер. 2. Гуманитарные науки. 2011. № 4(96). С. 191–192.

ные, затем как становящиеся своими, то в XVIII в. они воспринимались как неосвоенные («дикие»), по большей части малодоступные или требующие дальнейшей интеграции в экономическом и колониационном смысле. Здесь Россия столкнулась с «неевропейскими» режимами подданства, ускользающими от имперского контроля территориями, с так называемыми «двое-» и «троеданцами», платившими дань-ясак енисейским киргизам или монгольским Алтын-ханам, джунгарскому контайше и одновременно русскому царю. Особой формой выражения водораздела между «своими» и «чужими» в смысле культурной и социальной географии являлись укрепленные пограничные линии. На западных и юго-западных рубежах империи таковых насчитывалось немного. На азиатском востоке и юге они играли более существенную роль — не только прикрывали империю от вражеских набегов, но и формировали имперское пограничное пространство.

Связь индигенных народов с азиатской периферией означала, что по мере их превращения из «иноземцев» в «своих» (хотя иноплеменных и значительной частью иноверных) они оставались объектом действий государства, которое собиралось их цивилизовать и воспитывать в духе гражданственности. В ходе реформ Екатерины II «ясачные» рассматриваются в качестве «становящихся» подданных или граждан. Укрепленные линии, с помощью которых российские власти пытались отгородиться от «Востока», представлявшего законодателям эпохи Просвещения «диким» и «хаотичным» пространством, постепенно уступали место социальным границам. Впрочем, они были проницаемы (М.М. Сперанским в 1822 г. предложена схема перехода представителей автохтонного населения в другие податные категории) и не превращали «инородцев» в сословную резервацию. Это было существенным отличием российского «фронтальной» практики от американской¹².

Несколько сузив географические и хронологические рамки, Р.Г. Буканова, З.А. Тычинских, С.Р. Муратова, на материалах Среднего Урала и Западной Сибири, предложили локальную версию развития сибирского фронта, который, на их взгляд, прошел три стадии развития: точечную, переходную и линейную. Первая (1586 г. — начало XVII в.) — период создания первых русских крепостей («фронтальных точек») на занятой территории; вторая (XVII в.) — время открытых конфликтов и вызванное этим возведение пограничных укрепленных черт (обо-

¹² Бобровников В.О., Конев А.Ю. Свои «чужие»: инородцы и туземцы в Российской империи // Ориентализм vs. Ориенталистика. М.: Садра, 2016. С. 178–180.

Рис. 2. Пограничные укрепленные линии России XVIII–XIX вв.

значение границ проживания); третья (XVIII в.) — интеграция «зоны освоения» в состав России и строительство укрепленных линий¹³. Вызывают вопросы критерии, предложенные для выделения стадий. Так, открытые конфликты между русскими и индигенным населением были характерны как для конца XVI, так и для первой половины XVIII в., соответственно и обеспечение безопасности было актуальной задачей на протяжении этого периода на всей территории выбранного исследователями региона. При этом пограничные линии возникли только на его юге. Линейная стадия, вызванная необходимостью «определения четких рубежей государства», скорее характеризует процесс формирования государственной границы, а не собственно фронтирную ситуацию. Не ясно, какое значение имело «укрепление центральной власти» на-

¹³ Буканова Р.Г., Тыгинских З.А., Муратова С.Р. Особенности фронта на Урале и в Западной Сибири в XVI–XVIII вв. // Уральский исторический вестник. 2018. № 4 (61). С. 83–89.

ряду с «поиском новых возможностей пополнения казны» в XVIII в. для эволюции фронта. Характерно, что авторы нередко путаются в терминологии описания изучаемого явления. Ярким примером служит использование ими для характеристики точечной стадии неудачной фразы из публикации А.Т. Шашкова: «границы сибирского фронта были весьма подвижны и не совпадали с официальными границами Русского государства в Сибири»¹⁴. Во-первых, фронт и есть «подвижная граница». Во-вторых, что следует понимать под «границами фронта»? В-третьих, где находились и существовали ли вообще в Сибири конца XVI — начала XVII в. «официальные границы» государства?

Здесь уместно рассмотреть, что изначально подразумевалось и что понимается сегодня под термином *frontier* в западной литературе, как это понятие там соотносится с другой, близкой (но не идентичной) по значению терминологией. Известно, что слово «фронт» имеет французское происхождение от *frontière* (рубеж, граница между странами), которое долгое время употреблялось в значении «фронт» (линия/зона боевых действий), пока в Европе не началась демаркация политических границ, чему нередко предшествовали войны¹⁵. Не случайно, что и в английском термине *frontier* сохранилась военная составляющая в отношении приграничья (порубежья). Процесс эволюции пограничья в четко определенные рубежи нашел свое отражение в появлении новых терминов для обозначения негосударственных (*boundaries*) и государственных (*borders*) границ, пограничий (*borderlands*)¹⁶. При наличии очевидной этимологической связи между понятиями *borders* и *frontier* их необходимо различать.

Отмечу, что тёрнеровский фронтальный дискурс — это способ повествования об истории продвижения колонизаторов, в процессе которого возникает постоянно изменяющаяся зона освоения и формируется пространство коммуникации (конфронтации) автохтонной и пришлой культур, а в ходе этого взаимодействия складывается новая социальная общность (в конкретном случае — американцев). Следует упомянуть

¹⁴ Там же. С. 91.

¹⁵ Романова А.П., Якушенков С.Н. Фронтальная теория: новый подход к осмыслению социально-политической ситуации на Юге России // Инноватика и экспертиза. 2012. № 2(9). С. 74.

¹⁶ Anderson M. Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World. Oxford: Polity Press, 1996; Brunet-Jailly E. The state of borders and borderlands studies 2009: A historical view and a view from the Journal of Borderlands Studies // Eurasia Border Review. 2010. № 1. Р. 1–15; Панарина Д.С. Граница и фронт как фактор развития региона и/или страны // История и современность. 2015. № 1. С. 17.

и о других концептуальных трактовках границы/фронтира. Так, лорд Дж.Н. Керзон¹⁷ обратил внимание на различие между границами естественными и искусственными, на природу политических и культурно-языковых границ¹⁸. Его идеи получили развитие в 1920-х гг. в исследованиях Люсьена Февра¹⁹. Он утверждал, что сущность государства определяет политическое и военное значение термина «фронтир», и положил начало формулировке оригинальной теории «границы как пространства».

Интересным сюжетом, отчасти сближающим Джорджа Керзона с Фредериком Тёрнером, была его интерпретация влияния колониальных фронтиров на формирование национальных характеров. Первый, британский, закалявшийся в заснеженных Гималаях, в Персии и Африке, который «все еще создает Британскую империю». Второй, по другую сторону Атлантики, «определялся западным походом через континент». Здесь, когда первопроходцы, перевалив через горы, стали продвигаться по бездорожью бескрайних равнин, «Америка перестала быть английской и становится американской [*America cease to be English and become American*]». Если экстраполировать эти рассуждения на российский опыт колонизации восточных регионов, то керзоновский пример с британским «имперским» национальным характером оказывается типологически ближе, чем тернеровская история появления американской нации.

Наиболее четко и последовательно разделение между «границей» (*border*) и «фронтиром» (*frontier*), на мой взгляд, провел Майкл Ходарковский, транслируя закрепившуюся к концу XX столетия в англоязычной литературе трактовку этих понятий. Он, в частности, отметил:

«Фронтир — это регион, формирующийся на периферии заселенной или развитой территории, политико-географическое пространство, находящееся вне политического объединения. Граница, напротив, — четко проведенная линия, разделяющая суверенные государства. Если сказать иначе: для границы требуется наличие хотя бы двух государственных политических объединений. Именно государство строит, поддерживает и укрепляет границы, как на физическом, так и на ментальном уровне.

¹⁷ Джордж Натаниэл Керзон в 1899—1906 гг. был вице-королем Индии, а в 1919—1924 гг. — министром иностранных дел Великобритании.

¹⁸ Curzon G.N. The Romanes Lecture 1907, Frontiers by the Right Hon Lord Curzon of Kedleston, All Souls College, Chancellor of the University, Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 2 November 1907 [Электронный ресурс]. URL: <https://en.wikipedia.org/wiki/Frontiers>

¹⁹ Febvre L. Frontier: The Word and the Concept // A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre / Ed. P. Burke. L., 1973. P. 208–218.

... На юге и востоке, где колонизационные усилия России столкнулись с различными народами, не имевших государственной организации и четко очерченных рубежей между ними, полосой, отделявшей Россию от ее соседей, был фронтир»²⁰.

Из зарубежных историков-русистов М. Ходарковский единственный, кто предложил концепцию российского, как он его назвал, «степного фронта». При этом он обратил внимание на «пограничную» и «фронтирную» терминологию, бытовавшую на Руси: «межа», «рубеж», «места порубежные», «дикое поле», «украина». С начала XVII в., отмечает он, «когда Московия стала осознавать себя территориальным национальным государством, термины “рубеж” и “граница” используются для обозначения национальных границ Московии с другими суверенными государствами». Своеобразие сибирской фронтирной ситуации он видит в том, что разграничительные линии здесь проходили между «немирными» и платившими ясак «людьми». По мере приведения в покорность и объясачивания жителей непокоренных территорий фронтир сдвигался, а население «новоприводных земель» составляли уже «ясачные иноземцы»²¹. М. Ходарковский отметил характерную для фронтирной политики России особенность: «несмотря на то, что де-факто рубежом Русского государства были его укрепленные линии на юге и вновь построенные крепости на востоке, де-юре притязания Москвы значительно выходили за пределы того, что было под ее действительным контролем»²².

Исходя из концепции фронта как границы цивилизации, М. Ходарковский обращает внимание на сходство картографии и топонимии славянских и западноевропейских окраинных земель, приводя в пример Украину (окраина), Данию (Danmark)²³, немецкое маркграфство Бранденбург (Brandenburg)²⁴, испанскую провинцию Эстремадура (Extremadura)²⁵.

²⁰ *Khodarkovsky M. From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1–4. P. 115; Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2004. P. 47.*

²¹ *Khodarkovsky M. Russia's Steppe Frontier... P. 48.*

²² Там же. P. 50.

²³ *Марка* (англ. *March*) — термин, обозначающий пограничную область, удаленную территорию.

²⁴ Полабское (древнее западнославянское) название этой земли — Бранибор, то есть «оборонный (пограничный) лес».

²⁵ *Extreme Duria* — в переводе с латыни окраинная местность по реке Дуэро.

В.П. Румянцев и Е.В. Хахалкина верно подметили, что современные специалисты, употребляя термин «фронтир», заменяют им такие характерные для советских историков определения, как «окраины», «периферия» и «порубежные территории», при этом «для уточнения категориального аппарата они предлагают свои определения фронта-ра, а именно: условных разделительных линий, “подвижной границы” между заселенной и незаселенной территориями, пограничной области взаимодействия и ассимиляции населения»²⁶.

На этом фоне своеобразной контрпозицией выступает сформулированный недавно А.В. Головневым тезис о принципиальном отличии американского «фронтира» и русской «украины», как своеобразных кодов колониационного процесса. В первом случае это новый феномен эпохи трансатлантических завоеваний, во втором — устоявшаяся в евразийском мире «формула контактов давних соседей». «Украина» как пограничное пространство не была местом «знакомства и противоборства», а играла роль «арены обновления прежних связей и перераспределения власти». Следует согласиться с мнением Андрея Владимировича, что для российского опыта характерна взаимная тяга окраин и столицы, что «московская автократия плодила окраинную вольницу и успешно с ней взаимодействовала» и что, возможно, именно в этом «притяжении-отталкивании» и кроется источник энергии, способствовавший тому, что Россия заняла значительную часть Евразийского пространства²⁷.

При всей продуктивности высказанной А.В. Головневом точки зрения, его заключение о том, что в построениях российских исследователей концепт фронта-ра «напоминает чужой костюм, который не очень ладно сидит, но моден»²⁸, звучит слишком категорично. Во-первых, даже в американской историографии он критикуется «как опыт собственной страны», во-вторых, идея фронта-ра, что было показано выше, не является исключительной заслугой или принадлежностью только американской исторической и политической науки, в-третьих, свои фронтиры, вероятно, были и в Европе, и в Азии, и в Африке. При этом очевидно, что следует уделить особое внимание разработке понятийного аппарата названной исследовательской парадигмы, учитывая континентальные, страновые и национальные ипостаси «пограничья» в разных сферах: во-

²⁶ «Славянский мир» Сибири... С. 107, 108.

²⁷ Головнев А.В. Феномен колонизации. Екатеринбург: УрО РАН, 2015. С. 532–533.

²⁸ Там же. С. 532.

енной, политической, правовой, экономической, социальной, культурно-антропологической и иных.

Кризис сложившихся под влиянием работ Ф.Дж. Тёрнера в российской историографии подходов к изучению фронта стал достаточно четко осознаваться и сторонниками самой этой концептуальной рамки. Так, А.П. Романова и С.Н. Якушенков пишут о существовании не только видов, но и различных типов фронтиров и соответствующих им отношений, которые не укладываются в рамки классической теории. Они приходят к выводу о необходимости формулировки новой «неофронтирной» теории, которая, отказавшись от взгляда на фронт как на «битву антиномий», расширит ее эвристические возможности²⁹.

На мой взгляд, изучение фронта/ов следует переосмыслить и рассматривать как частный случай более общего процесса изучения границ. В работах отечественных ученых «фронтирная» история и история формирования государственных рубежей России, а также ее административного деления остаются совершенно обособленными друг от друга направлениями исследований. При этом все мы знаем, что русское продвижение за Урал и далее вглубь Северной и Средней Азии в конечном итоге имело результатом не только расширение территории страны, а ее закрепление в признанных на международном уровне границах и деление на административные области. В процессе этого происходила трансформация всех фронтирных (про)явлений и взаимная детерминация прежних фронтиров и новых границ.

Следует пояснить, что долгое время государственная граница воспринималась как предел распространения власти того или иного государства, выступала политической единицей и имела линейное измерение. Но относительно недавно традиционные определения и понимание разграничительных линий социально-политического и физико-географического пространств были пересмотрены в связи с изменением контекста, в котором они создавались и долгое время существовали. Исследование границ на сегодня представляет собой междисциплинарную научную область, которая разрабатывается совместно политологами, историками, географами, социологами, этнографами, археологами, социальными антропологами, лингвистами и экономистами.

Некоторые теоретические положения, которые ныне лежат в основе изучения границ, могут быть использованы и при изучении фронта. Например, представления о структуре границы и соответствующих

²⁹ Романова А.П., Якушенков С.Н. Фронтирная теория... С. 77–79.

ее элементам пространства, которые исследователи объединяют в три основных: ментальное, физическое и социальное. Ментальное выступает совокупностью всех объективированных и необъективированных феноменов и отношений, которые являются условиями сознательной активности входящих в эту систему субъектов. Физическое пространство формируется совокупностью естественных и искусственных объектов границы. Социальное пространство состоит из всех физических, ментальных и социальных явлений и отношений, выступающих условиями деятельности и поведения формальных и неформальных субъектов государственной границы. Другим аспектом, представляющим методологический интерес, является классификация регулирующих функций границы, которые разделяются на барьерные и контактные. Барьерное регулирование имеет своей целью повышение закрытости данного государства и общества (исходя из приоритета безопасности). Целью контактного регулирования служит повышение его открытости внешнему окружению (исходя из приоритета развития)³⁰. Наконец, еще одной полезной наработкой является историческая типология границ, описывающая их эволюцию с древности до наших дней. В ней использует три основных критерия: 1) пространственная форма границы; 2) субъект и сфера пограничного регулирования; 3) степень устойчивости конфигурации границы. Они позволяют выделить несколько последовательных типов, каждому из которых соответствует свой уровень организации общества и его потестарной/политической системы³¹.

Таким образом, можно заключить, что в современных условиях складывается общее для вышеназванных исследовательских направлений предметное поле, а заимствование методологических приемов и подходов может дать новые результаты в изучении истории русского продвижения «встреч Солнцу», интеграции Сибири и ее народов в состав России в конце XVI–XIX вв.

³⁰ Введение в исследования границ / Под ред. С.В. Севастьянова, Ю. Лайне, А.А. Киреева. Владивосток: Дальнаука, 2016. С. 110–111.

³¹ Там же. С. 115.

REFERENCES

1. *Akimov Ju.G.* Osvoenie Sibiri kak analog kolonizacii Novogo Sveta v istoriograficheskom diskurse [The development of Siberia as an analogue of the colonization of the New World in the historical discourse] // *Jelektronnyj nauchno-obrazovatel'nyj zhurnal «Istorija»*, 2014. T. 5. Issue 4(27) [Jelektronnyj resurs]. Dostup dlja zaregistrovannyh pol'zovatelej. URL: <http://www.history.jes.su/s207987840000731-3-1>
2. *Anderson M.* *Frontiers: Territory and State Formation in the Modern World*. Oxford: Polity Press, 1996. 255 p.
3. *Bobrovnikov V.O., Konev A.Ju.* Svoi «chuzhie»: inorodcy i tuzemcy v Rossijskoj imperii [Own «aliens»: foreigners and natives in the Russian Empire] // *Orientalizm vs. Orientalistika*. M.: Sadra, 2016. S. 178–180.
4. *Brunet-Jailly E.* The state of borders and borderlands studies 2009: A historical view and a view from the Journal of Borderlands Studies // *Eurasia Border Review*. 2010. № 1. P. 1–15.
5. *Bukanova R.G., Tychinskih Z.A., Muratova S.R.* Osobennosti frontira na Urale i v Zapadnoj Sibiri v XVI–XVIII vv. [Features of the frontier in the Urals and in Western Siberia in the 16th and 18th centuries] // *Ural'skij istoricheskij vestnik*. 2018. № 4 (61). S. 83–89.
6. *Curzon G.N.* The Romanes Lecture 1907, Frontiers by the Right Hon Lord Curzon of Kedleston, All Souls College, Chancellor of the University, Delivered in the Sheldonian Theatre. Oxford, 2 November 1907 [Jelektronnyj resurs]. URL: <https://en.wikisource.org/wiki/Frontiers>
7. *Drabkina E.L.* Nacional'nyj i kolonial'nyj vopros v carskoj Rossii [The National and Colonial Question in Imperial Russia]. M.: Izd-vo Kommunisticheskoy akademii, 1930. 188 s.
8. *Febvre L.* Frontier: The Word and the Concept // *A New Kind of History from the Writings of Lucien Febvre* / Ed. P. Burke. L., 1973. P. 208–218.
9. *Golovnev A.V.* Fenomen kolonizacii [Colonial Phenomenon]. Ekaterinburg: UrO RAN, 2015. 532 s.
10. *Karamzin N.M.* Istorija gosudarstva Rossijskogo [The History of the Russian State]. T. IX. SPb.: Tip. N. Grecha, 1821. 472 s.

11. *Khodarkovsky M.* From Frontier to Empire: The Concept of the Frontier in Russia, Sixteenth-Eighteenth Centuries // Russian History. 1992. Vol. 19. № 1–4. P.115–128.
12. *Khodarkovsky M.* Russia's Steppe Frontier: The Making of a Colonial Empire, 1500–1800. Indiana University Press, 2004. 305 p.
13. *Hromykh A.S.* Russkaja kolonizacija Sibiri poslednej treti XVI — pervoj chetverti XVII veka v svete teorii frontira [Russian colonization of Siberia last third of the 16th — first quarter of the 17th century in the light of the theory of the Frontier]: Avtoref. ... kand. ist. nauk [Abstract dis. ... cand. ist. sciences]. Tomsk, 2008. 31 s.
14. *Kostornichenko V.N., Sirvatko P.A.* Frontir: genezis, osnovnye polozenija, razvitie (istoriograficheskij ocherk) [Frontier: Genesis, Basic Provisions, Development (Historical Sketch)] // SShA & Kanada: jekonomika, politika, kul'tura, 2021. № 51(2). S. 72–89.
15. *Limerick P.N.* The Legacy of Conquest. The Unbroken Past of the American West. New York/London: W.W. Norton, 1987. 400 p.
16. *Nebol'sin P.I.* Pokorenie Sibiri [The Conquest of Siberia]. SPb.: Tip. I. Glazunova i K°, 1849. S. 101–115.
17. *Okun' S.B.* Ocherki po istorii kolonial'noj politiki carizma v Kamchatskom krae [Essays on the history of colonial policy of tsarism in the Kamchatka Krai]. L.: Socjkgiz, 1935. 151 s.
18. *Panarina D.S.* Granica i frontir kak faktor razvitija regiona i/ili strany [Border and frontier as a factor of development of the region and/or the country] // Istorija i sovremennost'. № 1. 2015. S. 15–41.
19. *Poberezhnikov I.V.* Aziatskaja Rossija: frontir, modernizacija [Asian Russia: frontier, modernization] // Izvestija UrGU. Ser. 2. Gumanitarnye nauki. 2011. № 4(96). S. 191–203.
20. *Rezun D. Ja., Shilovskij M. V.* Sibir', konec XVI — nachalo XX veka: frontir v kontekste jetnosocial'nyh i jetnokul'turnyh processov [Siberia, late XVI — early XX century: the frontier in the context of ethno-social and ethno-cultural processes]. Novosibirsk: In-t istorii SO RAN, 2005 [Elektronnyj resurs]. URL: <http://sibistorik.ru/project/frontier/index.html>.
21. *Romanova A.P., Jakushenkov S.N.* Frontirnaja teorija: novyj podhod k osmysleniju social'no-politicheskoj situacii na Juge Rossii [Frontier theory: a new approach to understanding the socio-political situation in the South of Russia] // Innovatika i jekspertiza. 2012. № 2(9). S. 74–80.
22. «Slavjanskij mir» Sibiri: novye podhody v izuchenii processov osvoenija Severnoj Azii [«The Slavic World» Siberia: New Approaches to the Study

- of the Development of North Asia] / Pod red. O.N. Bahtinoj, V.N. Syrova, E.E. Dutchak. Tomsk: Izd-vo Tom. un-ta, 2009. S. 106–165.
23. *Shilovskij M.V.* Frontir i pereseleniia (sibirskii opyt) [Frontier and resettlement (Siberian experience)] // Frontir v istorii Sibiri i Severnoi Ameriki v XVII–XX vv.: obshhee i osobennoe: sbornik statei. Issue 3. Novosibirsk, Taler-Press, 2003. S. 101–118.
 24. *Slotkin R.* The Fatal Environment. The Myth of the Frontier in the Age of Industrialization, 1800–1890. New York: Atheneum, 1985. 636 p.
 25. *Slotkin R.* Gunfighter Nation. The Myth of the Frontier in Twentieth-Century America. New York: Atheneum, 1992. 850 p.
 26. *Tokarev S.A.* Ocherk istorii jakutskogo naroda [The story of the Yakut people]. M.: Socjkgiz, 1940. 248 s.
 27. *Turner F.J.* The frontier in American history. New York: Henry Holt and company, 1920. 375 p.
 28. *Turner F.J.* The Significance of Sections in American History. Introd. by Max Farrand. New York: Henry Holt and company, 1932. 347 p.
 29. Vvedenie v issledovaniia granic [Introduction to Boundary Research] / Pod red. S.V. Sevast'janova, Ju. Lajne, A.A. Kireeva. Vladivostok: Dal'nauka, 2016. 426 s.
 30. *White R.* «It's Your Misfortune and None of My Own». A New History of the American West. Norman: University of Oklahoma Press, 1991. 644 p.
 31. *Jadrincev N.M.* Sibir' kak kolonija v geograficheskom, jetnograficheskom i istoricheskom otnoshenii [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Izd. 2-e. SPb.: Izd-vo I.M. Sibirjakova, 1892. 720 s.
 32. *Zavalishin D.I.* Sibir' i Kanada [Siberia and Canada] // Vostochnoe obozrenie: gazeta literaturnaja i politicheskaja. 1882. № 34. S. 3–4.

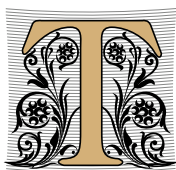

Ключевые слова:

Ф.Дж. Тёрнер, фронтир, окраина, граница, «ясачные иноземцы», Сибирь.

Aleksey Yu. Konev

HISTORIOGRAPHICAL AND METHODOLOGICAL FACETS OF THE SIBERIAN «FRONTIER»

he publication is devoted to a critical analysis of the works of Russian and foreign researchers related to the use of the frontier approach to the study of colonization and development of Siberia in the 17th–19th centuries. Particular attention is paid to selected articles and monographs that compare the American and Russian experience, as well as to the latest relevant publications that have not been subjected to historiographical analysis. The author of the article traced how it happened and the difference between the terms «Border» and «Frontier» in modern English-language scientific literature, supporting a thesis that Russian researchers should use borrowed terminology more carefully. It is proposed to consider frontier studies as a special case of a more general process of studying borders. The author believes that these researching areas share a common subject field, and that borrowing methodological approaches may give new results in studying the history of Russian advance to the East.

Key words: Frederick Jackson Turner, Frontier, Suburb, Border, Siberia.

Aleksey Yu. Konev — Ph.D. in History, Senior Researcher at the Institute of the Problems of Northern Development, subdivision of Federal Research Centre Tyumen Scientific Centre of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Tyumen Scientific Centre SB RAS).

 Конев Алексей Юрьевич

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник Института проблем освоения Севера Федерального исследовательского центра «Тюменский научный центр Сибирского отделения Российской академии наук» (Тюмень)